

ходе которой корпорация местных администраторов и вовсе отделилась от крестьянства, ибо «для сталинской системы властвования и управления требовался специфический персонал» [35, 65].

Итак, крестьянство имело свои электоральные предпочтения в отношении местной власти в 1920-х гг., кардинально отличные от того, что предлагала, а чаще навязывала правящая партия большевиков. Социальные аутсайдеры деревни – бедняки и батраки – не пользовались поддержкой основной части крестьянства. Традиционализм деревни также выталкивал из местных властных структур женщин. Их проникновение во власть становится более-менее зримым лишь к концу 1920-х гг. Однако гендерная асимметрия в области местного самоуправления оставалась преобладающей тенденцией в формировании корпуса сельских администраторов. Деревенское сообщество наиболее жестко противостояло проталкиванию в ряды местных чиновников коммунистов, поскольку они по ряду вышеизложенных причин не могли реализовать насущные интересы крестьянства. Деревня жаждала видеть в числе своих лидеров «хозяйственников», «зажиточных», поскольку для налаживания нормальной деревенской жизни требовались не политиканствующие личности, а состоявшиеся хлеборобы, способные не просто отдавать руководящие указания, но и знающие, как именно решить ту или иную хозяйственную задачу. Крестьяне в этом видели основное предназначение местной власти в условиях восстановительного периода после кровопролитной Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918. С. 2.
2. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. 2000. № 4. С. 193.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 44.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 580. Л. 124.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.
6. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.
7. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
8. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 575. Л. 72.
9. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 795. Л. 562.
11. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1396. Л. 5.
12. ГА СК. Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1396. Л. 1.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 34.
14. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.
15. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
16. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45. Л. 32а.
17. Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Ростов н/Д., 1925. С. 24.
18. Там же. С. 24.
19. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 88.
20. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.
21. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.
22. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 575. Л. 23.
23. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
24. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
25. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.
26. См.: Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997. С. 92–96; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010. С. 116–121.
27. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
28. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.
29. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
30. Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924 – 1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 100.
31. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 202.
32. ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.
33. ЦДНИ РО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.
34. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.
35. Романовский Н.В. Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // Отечественная история. 2000. № 4. С. 65.

УДК 94(470) „19“ XX в.

Самсоненко Т.А.

СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»: ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ (на материалах Юга России)*

Аннотация. В статье представлена малоизученная в российской историографии проблема социально-экономических условий жизни сельской интеллигенции в период сплошной форсированной коллективизации. На основе обстоятельного изучения, прежде всего, архивных материалов, регионально охватывающих районы Юга России, раскрываются смысловые перспективы понятия «сельская интеллигенция», показывается процесс решения вопросов материально-финансового, продовольственного снабжения, культурно-бытовых условий жизни отдельных слоев сельской

* © Самсоненко Т.А.

интеллигенции. Тем самым исторически прослеживается ситуация, насколько удовлетворялись витальные потребности этой категории сельского населения. Рассматриваются типичные формы социального реагирования представителей сельской интеллигенции на результаты «великого перелома» в коллективизированной деревне Юга России. Подчеркивается, что в 1930-е гг. сформировался и действовал в отношении сельской интеллигенции остаточный принцип, несмотря на принимаемые нормативно-правовые акты. Местные чиновники не торопились решать насущные вопросы по улучшению быта учителей, врачей, агрономов, библиотекарей и др.

Ключевые слова: «великий перелом», витальные потребности, коллективизация, колхоз, постановление, сельская интеллигенция, социальный протест.

T. Samsonenko

VILLAGE INTELLIGENTSIA DURING THE "GREAT CHANGE": FEATURES OF THE MATERIAL TERMS AND SOCIAL REACTION (ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Abstract. The article presents one of the problems in Russian historiography. This problem was devoted to the socio-economic conditions of the rural intelligentsia in a period during the forced collectivization was made. Based on extensive research, mainly archival material covering regional areas of Southern Russia, reveals the semantic perspective the concept of "village intelligentsia". In the article showing the process of addressing the material and financial, food, culture and living conditions of individual sections of the rural intelligentsia. Thus, historically observed situation, how satisfied vital needs of this category of the rural population. A typical form of social response of the rural intelligentsia on the results of the "great change" in the collectivized village south of Russia. It is emphasized that in 1930. formed and operated in respect of the rural intelligentsia residual principle, despite on the law regulations. Local officials have been slow to address pressing issues on the welfare of teachers, doctors, agronomists, librarians, etc.

Keywords: "great breakthrough", the vital needs, collectivization, count of households, the decision, the rural intelligentsia, social protest.

Интеллигенция советской эпохи стала «прослойкой» и мало чем напоминала интеллигентов дооктябрьской России, но многие ее представители осознавали свою социальную роль в обществе, а именно – защиту интересов народа, подвергавшегося большому давлению со стороны тоталитарного государства. Одним из эпизодов противостояния между интеллигенцией и коммунистическим режи-

мом стала сплошная форсированная коллективизация в конце 1920-х – первой трети 1930-х гг. Хотя коллективизации посвящены множество научных и популярных работ, историография противостояния сельской общественности и сталинского режима крайне скудна. Данное обстоятельство обусловило написание настоящей статьи, основанной на материалах Дона, Кубани и Ставрополья, – ведущих аграрных регионов Юга России, в которых коллективизация проводилась ускоренными темпами, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопреки дооктябрьской традиции, представители местной власти на Юге России считали, что в 1920-х-1930-х гг. сельская интеллигенция представляла «из себя работников [сельских и станичных] советов, школ, агрономии и медицины»¹. Не только профессиональная деятельность, но также повседневная жизнь этих людей теснейшим образом связывалась с жизнью донских, кубанских, ставропольских сел и станиц. Поэтому сельские интеллигенты, не подвергаясь вовлечению в колхозы, тем не менее в полной мере ощутили на себе негативные результаты «великого перелома».

Надо сказать, что несогласие представителей сельской интеллигенции Дона, Кубани и Ставрополья с политикой сплошной форсированной коллективизации в значительной мере обуславливалось произошедшим в данное время ухудшением их материально-бытового положения. Иначе говоря, резко критикуя «колхозное строительство», многие сельские учителя, избачи (работники изб-читален), врачи, фельдшеры и т.д. высказывали озабоченность не столько выполнением своего долга перед народом (защита прав и интересов крестьянства), сколько обеспечением собственной жизнедеятельности и улучшением положения своих семей. Оснований же для подобной озабоченности в период коллективизации у представителей сельской интеллигенции было предостаточно.

Ведь в условиях «великого перелома» положение «просвещенцев села» (учителей, агрономов, врачей и пр.) стало, по выражению Е.А. Осокиной, «совсем плохим» [1, 54]. Обеспечивать «просвещенцев» продовольствием обязывались местные органы власти, совхозы и колхозы; на последние, учитывая их неуклонно возрастающую численность, ложилась основная нагрузка по снабжению интеллигентов и членов их семей продуктами питания, а также фуражом и топливом. Согласно принятому в январе 1933 г. правительственному постановлению, к выполняемым колхозами обязательным хлебным поставкам добавлялось специальное начисление в размере 2 %; хлеб, собранный в счет этих 2 %, использовался для создания фондов продовольственного обеспечения сельской интеллигенции [1, 55]. В постановлении, однако, ничего не говорилось о снабжении интеллигентов други-

ми продуктами (мясом, молоком, жирами и т.д.); эту прореху в законодательстве устранили лишь через несколько месяцев, когда 28 октября 1933 г. ЦК ВКП(б) и СТО (Совет труда и обороны) издали соответствующий документ. Наконец, весной 1934 г. рядом правительственных постановлений устанавливалось централизованное снабжение интеллигентов сахаром и чаем, а «остальные продукты, указывали представители власти, «должны были выделяться из местных фондов, формировавшихся за счет децентрализованных, сверхплановых заготовок, гарнцевого сбора» [1, 55; 2].

Формально сельские «просвещенцы» имели возможность получать продукты в размерах, которые в тяжелые времена «большого скачка» могли считаться достаточными для удовлетворения минимальных витальных потребностей. Так, Северо-Кавказский крайисполком, детализируя октябрьское постановление ЦК ВКП(б) и СТО, 21 ноября 1933 г., установил следующие месячные нормы снабжения сельских учителей и членов их семей: 0,5 кг жиров на учителя (по 0,25 кг членам его семьи; далее в скобках указаны нормы снабжения иждивенцев), 1 кг меда (0,5 кг), 12 кг овощей и фруктов учителю (12 кг), 10 кг картофеля и 12 литров молока на семью; что касается мяса или рыбы, то учитель мог получить таковые в размере 1 кг, но его домашним подобных продуктов не полагалось. Согласно постановлению крайисполкома, колхозы обязывались снабжать учителей перечисленными продуктами после выполнения своих обязательств перед государством, по конвенционным ценам и лишь «в тех случаях, когда эти продукты поступают в колхозы в фонд распределения или в фонд колхозной торговли»².

Фактически же ситуация в сфере продовольственного снабжения сельских интеллигентов в период коллективизации оставалась печальной, вопреки всем благим постановлениям. Вряд ли следовало ожидать чего-либо иного, зная особенности сталинской налогово-заготовительной политики, направленной на изъятие у советских аграриев максимально возможного количества произведенной ими продукции. Колхозы отдавали государству максимум хлеба и других продуктов и, «сами бедствуя, отказывались снабжать интеллигенцию» [1, 54]. Уже цитированное выше постановление Северо-Кавказского крайисполкома от 21 ноября 1933 г. о нормах снабжения учителей начиналось с безотрадных констатаций того, что в Мечетинском, Моздокском, Павловском и целом ряде других районов края колхозы, вопреки существующим постановлениям, снимали со снабжения школьных работников (шкрабов, по принятому в 1920-х – первой половине 1930-х гг. уничижительному сокращению)³. Учителя не представляли собой каких-либо уникальных неудачников, ибо со

сходными проблемами сталкивались сельские врачи, агрономы, избачи и т.д. Например, в документах 1933 г. содержится немало жалоб агрономов на неудовлетворительное материальное обеспечение⁴. Причем жалобы эти, как правило, оставались гласом вопиющего в пустыне; непосредственный начальник южно-российских агрономов, старший агроном Северо-Кавказского Крайзернотрактора Л.П. Андреев, мог ответить им лишь одно: «мужайтесь, не падайте духом» [3, 347].

На протяжении 1934 г. ситуация никак не улучшилась. На первой Северо-Кавказской краевой партконференции в январе 1934 г. говорилось: «один план, который установлен ЦК партии и правительством, мы с вами еще не выполнили, – это план сдачи хлеба в счет 2 % по снабжению специалистов. В настоящее время этот план выполнен только на 47 %. Мы все говорим о культуре в станицах, селах и колхозах. Мы должны поставить специалистов в отношении хлеба в нормальные условия на селе, а на сегодняшний день никакого фонда для этого нет и вся работа по хлебопоставкам и сдаче в счет этого плана прекращена»⁵. Весной того же года отмечалось, что на Ставрополье сельские специалисты вынуждены покупать у единоличников «сухой бурьян» в качестве топлива⁶, а в Темрюкском районе председатель колхоза «Красная Стрелка» П.А. Вишня демонстрировал «игнорирование решений центральных и местных парторганизаций по улучшению материального положения учительства»⁷. Более того, даже к исходу 1930-х гг. положение сельских интеллигентов нередко оставляло желать лучшего. Так, в марте 1940 г. партработники Зимовниковского района Ростовской области самокритично признавали, что в ряде населенных пунктов «учителя живут в плохих бытовых условиях, без топлива и т.д.»⁸.

В источниках содержится столь значительное количество упоминаний о «совсем плохом» снабжении сельских интеллигентов в период «колхозного строительства», что бесспорным представляется вывод о широкой распространённости таких явлений, о сложившейся тенденции, а не об «отдельных недостатках», как говорилось в официальных документах. Материально-бытовые условия деревенских учителей (равно как и представителей других категорий сельской интеллигенции) часто оставались настолько неудовлетворительными, что они превращались в своеобразный эталон плохого снабжения. Показательна следующая реплика, прозвучавшая на проходившей в январе 1934 г. Вешенской районной партийной конференции. Один из партработников, выступавших на данной партконференции, мрачными красками живописал свою тяжкую жизнь и сказал буквально следующее: «мы снабжаемся хуже, чем учителя»⁹.

Не лучшим образом обстояло дело и с вы-

платой зарплаты сельским специалистам. Огромные финансовые средства, необходимые для проведения индустриализации, отчасти изыскивались за счет советских граждан (с этой целью, например, вводились так называемые государственные займы, являвшиеся, по существу, завуалированными невосполнимыми поборами). В итоге, в начале 1930-х гг. те же многострадальные учителя не получали жалованье по 3-4 месяца [1, 54]. Так, в январе 1932 г. партработники Константиновского района Северо-Кавказского края признавали, что здесь «несвоевременно обеспечивают учительство зарплатой, а также продуктами питания»¹⁰. На первой Боковской районной партконференции в феврале 1935 г. говорилось, что район задолжал учителям 18 тыс. рублей¹¹.

Нелишне отметить, что материально-бытовые проблемы сельских интеллигентов в эпоху «великого перелома» в значительной мере порождались откровенно грубым отношением к ним со стороны местного начальства (которое, впрочем, демонстрировало такое же отношение и ко всем вообще рядовым советским гражданам). Источники содержат немало убийственных сообщений о том, что представители местной администрации склоняли служащих к сожительству в обмен на продукты или брезгливо заявляли: «если кто из учителей подохнет, революция не пострадает» [1, 55]. В мае 1935 г. заведующий Обливским райОНО Е.Ф. Бизюкин (которого сотрудники НКВД характеризовали как «систематически пьянствующего»), имея на руках зарплату учителей, при просьбе выдать ее – ответил: «купите каждый по литру, выдам деньги»¹². Не случайно работники райкома ВКП(б) и политотделов Вешенского района Азово-Черноморского края зимой–весной 1934 г. фиксировали «совершенно нетерпимое бюрократическое отношение к своевременной выдаче продуктов и зарплаты [учителям] со стороны большинства сельсоветов»¹³ и призывали «сельсоветчиков» к тому, чтобы те «больше уделили внимание учительству, создали бы для них бытовые условия»¹⁴.

Сегодня, мысленно представляя сложность повседневной жизни сельских интеллигентов в период форсированной коллективизации, нам остается лишь поражаться высокому моральному духу и профессиональной добросовестности этих людей, продолжавших самоотверженно трудиться на ниве народного образования, просвещения, здравоохранения. Вместе с тем вряд ли могут возникнуть сомнения в отрицательном отношении деревенских учителей, библиотекарей, врачей, агрономов к коллективизации, осуществлявшейся под лозунгами модернизации и социальной справедливости, но принесшей сельскому социуму неисчислимые беды.

Хотя у сельских интеллигентов имелись

вполне реальные и очевидные поводы для недовольства «колхозным строительством», многие из них выступали против сталинской аграрной политики не столько из-за ухудшения собственного материально-бытового положения, сколько из-за того, что данная политика осуществлялась путем нагнетания социальной агрессии и вела к фактическому закреплению российского (в том числе южнороссийского) крестьянства. Коллективизация, в ходе которой «культивировались подозрительность и нетерпимость, формировались социально-психологические предпосылки политического экстремизма, произвола и насилия» [4, 111], способствовала созданию командно-административной системы управления. Такой вариант социалистического преобразования деревни сельская интеллигенция не могла принять по определению.

В особенности резкое неприятие коллективизации как нового этапа закреплению крестьянства демонстрировали представители дооктябрьской генерации российской интеллигенции. Таковых в Советской России насчитывалось не столь уж мало, несмотря на то, что после 1917 г. в стране «шло наступление на представителей старой буржуазной интеллигенции как на вновь объявленного маргинала» при одновременном создании «народной интеллигенции», социально и политически близкой большевистскому режиму [5, 115]. Подчеркивая факт «социальной засоренности» сельской интеллигенции, участники проходившей в ноябре 1928 г. Донецкой окружной конференции бедноты заявляли: «Есть очень много чуждого элемента в составе учительства [-] это дочки попов, кулаков, торговцев и т. д. [...] нужно взяться за это дело и очиститься от чуждого элемента»¹⁵. Однако радикальное «очищение» оказывалось невозможно, ибо привело бы к острейшему дефициту кадров на селе. Поэтому в 1931 г. начальник Константиновского районного отделения ОГПУ Кулаков сокрушался, что «на краевой съезд учителей-ударников из нашего района поехало 6 человек, из которых 1 офицер, 1 сын кулака-лишенца, и 3 попа, а молодежь наша, новые кадры не выдвигаются»¹⁶. Наличие в составе сельской интеллигенции значительной (хотя и неуклонно сокращавшейся в условиях политического террора 1930-х гг.) группы интеллигентов досоветской формации являлось существенным фактором, определявшим остроту реакции деревенской общественности на «попытку широкомасштабной социальной инженерии» [6, 7], каковой стала сплошная форсированная коллективизация.

Протест сельской интеллигенции Дона, Кубани и Ставрополя против «колхозного строительства» находил выражение в разных формах. Наиболее распространенной являлась пассивная протестная реакция, когда интеллигенты упорно игнорировали

или саботировали различные хозяйственно-политические кампании, к реализации которых их привлекала местная власть (сбор налогов, агитация за самообложение или подписку на государственный заем, и т.д.). По этому поводу вполне определенно высказывались члены Зимовниковского райкома ВКП(б) в апреле 1930 г.: «Культурные силы на селе, учителя, ветврачи и другие, не использованы. Деревенская интеллигенция пассивно смотрит на проведение различных мероприятий партии и соввласти»¹⁷.

Другой, довольно распространенной формой протеста сельской интеллигенции против многочисленных «перегибов» коллективизации, являлись критические высказывания, – либо в устной форме, либо в письмах, направляемых в редакции советских газет и журналов, в органы власти или лично большевистским «вождям». Устная критика, разумеется, не мыслилась интеллигентами в качестве публичной; она озвучивалась, как правило, в узком кругу друзей, знакомых, сослуживцев. Однако даже такая «критика вполголоса» не могла укрыться от властей, ибо в России всегда хватало добровольных доносчиков. Еще современники Николая I, указывая на цвет жандармской униформы, печально шутили, что «нынче в России у каждого если не голубой мундир, то голубая подкладка или хотя бы голубая заплатка». Форма сотрудников ОГПУ-НКВД не имела столь впечатляющей цветовой гаммы, но это никак не уменьшило численность внештатных доносчиков (или, выражаясь официальным языком, агентов). Представители ОГПУ-НКВД в своей профессиональной деятельности пользовались услугами значительного количества осведомителей, поскольку сотрудничество с органами госбезопасности считалось своего рода почетной обязанностью советских граждан. Полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Курский прямо призывал делегатов Первого краевого съезда колхозников-ударников в марте 1934 г.: «Каждый колхозник, каждый ударник в первую очередь должен быть таким же чекистом, как и мы... вы здесь должны быть своего рода маленькими чекистами»¹⁸.

Учитывая вышеизложенное, нет ничего странного в том, что представителям власти становились известны критические выпады сельских интеллигентов в адрес коллективизации и колхозной системы, даже произнесенные в узком кругу. Эта критика советской действительности оказывалась весьма нелицеприятной для местных властей. Так, в январе 1932 г. участники XI Константиновской районной партийной конференции говорили: «У нас учительство ведет разлагательскую работу в колхозе, заявляя о том, что МТС это помещичий тип хозяйства»¹⁹.

Эпистолярная критика «колхозного строительства» была гораздо безопасней для сельской интеллигенции (если, конечно, у автора письма хватало сообразительности не указывать

свой адрес). Во многих письмах, приходивших в начале 1930-х гг. в редакции советских газет и журналов или коммунистическим лидерам, содержались гневные высказывания в адрес сталинского «большого скачка», принесшего голод и разорение гражданам СССР. Например, в июле 1932 г. из Краснодарского района Северо-Кавказского края в редакцию «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» поступило письмо следующего содержания: «Рабочие и особенно крестьяне голодают, мрут с голоду массами, гибнут. Виновники этому – Сталин и его вольные и невольные сподручники (Молотов, Калинин и проч. «вожди»). Они душат трудовой народ, исковеркали жизнь миллионам, извратили, опозорили великую идею великого и дорогого вождя Ленина – коллективизацию. Они заклятые враги рабочих и трудящихся крестьян... Так дальше нельзя. Долой тупого, грубого, низкого, чванливого «вождя» – Сталина и его сподручников – Молотова и компанию! Да здравствует подлинно ленинская партия!» [7, 411].

По справедливому замечанию В.А. Бондарева, авторами писем, подобных процитированному выше, являлись, чаще всего, именно сельские интеллигенты. Подобный вывод напрашивается потому, что в такого рода посланиях (которые В.А. Бондарев характеризует как «письмо-протест») «часто обращает на себя внимание довольно высокий уровень грамотности авторов. Крестьянские послания в большинстве своем содержат все характерные особенности писем, написанных «простыми людьми» (отсутствие пунктуации, зачастую масса ошибок, сумбурность изложения и пр.). Отсутствие во многих «протестных посланиях» данных специфических огрехов позволяет утверждать, что часто наиболее резкие письма отправляли вождям и в центральные органы власти не только простые крестьяне, но и члены ВКП(б), комсомольцы, представители интеллигенции, местного руководства и т.д.» [8, 412]. Разумеется, сталинский режим, никогда не отличавшийся излишней гуманностью, не собирался терпеть осуждающие замечания в свой адрес. Против любых противников, – будь то интеллигенты или простые крестьяне, – верные последователи Сталина в органах власти на местах применяли жесткие меры.

Итак, сплошная форсированная коллективизация оказывала сильное воздействие и на такой социальный слой советской деревни, как сельская интеллигенция. Социально-экономические условия ее существования в этот исторический период значительно ухудшились, причем не всегда удовлетворялись даже элементарные витальные потребности. В этой ситуации сельская интеллигенция не только

смогла выжить, но и вносила свою весомую лепту в социальный протест против сталинского режима.

УДК 94 (470) «1946-1953»

Тюрин В.И.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
- 2 Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3232. Л. 45. 46.
- 3 ГА РО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3232. Л. 45.
- 4 ГА РО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 92. Л. 110б. 25–250б, 260б.
- 5 Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
- 6 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 118. Л. 97.
- 7 ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 51.
- 8 ЦДНИ РО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.
- 9 ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 51. Л. 22.
- 10 ЦДНИ РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.
- 11 ЦДНИ РО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- 12 ЦДНИ РО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.
- 13 ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.
- 14 ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.
- 15 ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.
- 16 ЦДНИ РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 7.
- 17 ЦДНИ РО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.
- 18 ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 178, 188.
- 19 ЦДНИ РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 17.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. М., 1993.
2. (Примечание) Гарнец – это мера объема сыпучих тел. 1 гарнец = 1/8 четверика (3,2798 л). Гарнецовый сбор собирался при помеле зерновых культур.
3. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Дис... докт. ист. наук. Новочеркасск, 2007.
4. Ташпеков Г.А. Жизнь крестьянства 30-х годов в свете деревенских частушек // Социс. 2002. № 9.
5. Борисов В.А. Социальная мобильность в советской России // Социс. 1994. № 4.
6. Данилов В.П., Маннинг Р., Виола Л. Редакторское вводное слово к сборнику документов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. В 5-ти т. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999.
7. Из «политических сводок» писем в редакцию «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». 6 июля 1932 г. // Трагедия советской деревни. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001.
8. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.

ПОДБОР, ВЫДВИЖЕНИЕ И РАССТАНОВКА РУКОВОДЯЩИХ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ КАДРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.*

Аннотация. В статье на основе ранее не исследованных архивных материалов анализируется деятельность Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) в послевоенные годы по подбору, выдвижению и расстановке руководящих партийных, государственных и военных кадров на партийно-государственные должности. Показаны основные этапы, раскрывается трехуровневая процедура принятия кадровых решений, а также методика выдвижения и назначения различных кандидатур на руководящие должности.

Ключевые слова. Политбюро и Секретариат ЦК ВКП(б), руководящие кадры, этапы назначения, трехуровневая процедура, методика выдвижения и назначения.

V.Turin

SELECTION, PROMOTION AND ARRANGEMENT OF SUPERVISING PARTY AND SOVIET SHOTS IN POST-WAR YEARS.

Abstract. In article on a basis of the earlier not investigated archival materials activity of the Political bureau and Central Committee VKP Secretary (b) in post-war years on selection, promotion and arrangement of supervising party, state and military shots on the party-state posts is analyzed. The basic stages are shown, three-level procedure of acceptance of personnel decisions, and also a technique of promotion and appointment of various nominees to supervising posts reveals.

Key words. Politburo and Secretariat of the Central Committee of the CPSU(b), the leading cadres, the stage of purpose, a three-level procedure, the method of nomination and appointment.

После окончания Великой Отечественной войны большое значение в деятельности Секретариата и Политбюро ЦК партии получили вопросы подбора, выдвижения и расстановки руководящих кадров на партийно-государственные должности.

Как показывает анализ данной проблемы, процесс выдвижения и назначения человека на руководящую должность состоял из нескольких этапов:

* © Тюрин В.И.